

Тихий Дом

Борис Троне

Борис Грань

Тихий дом

<https://litres.ru/74524437>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей и Ирина жили обычной жизнью инженера и учительницы.

Приступ бронхиальной астмы у сына становится точкой отсчёта. Базовый ингалятор от государства вызывает тремор, а эффективный стоит четверть зарплаты. Попытка записаться к врачу превращается в квест с зависшими сайтами и бесконечными гудками. Семья вступает в войну на истощение, где враг невидим, но его оружие — чеки из аптеки, ценники в супермаркете и замороженная индексация. Эта повесть — о тихой трагедии одной семьи, перемолотой шестерёнками системы. Здесь нет громких скандалов, есть только глухое раздражение за ужином. Нет подвига, есть лишь ежедневный выбор между мясом для сына и новыми ботинками для себя. Это история о том, как финансовый дефицит высасывает воздух из отношений, оставляя после себя звенящую пустоту. Как выживание вытесняет жизнь, заставляя завидовать больным детям, вокруг которых суетятся родители.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Сбой в системе	5
Глава 2. Трещины в бюджете	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тихий дом

Глава

Часть первая. Эрозия

Глава 1. Сбой в системе

Свисток прозвучал, как ему показалось потом, слишком резко — будто кто-то вспорол ножом натянутую тишину спортивного зала. Дети побежали. Двадцать пар кроссовок стучали по деревянному полу, и Миша бежал со всеми, в третьем ряду, обыкновенный мальчик в белой футболке, и никто не мог знать, что через сорок секунд его тело решит, что воздух кончился.

Он остановился не сразу. Сначала сбился шаг, потом схватился за грудь — так взрослые хватаются за сердце, но он был ребёнок и потому просто наклонился, упираясь ладонями в колени. Учитель, Василий Петрович, решил, что мальчик запыхался, и махнул рукой: отдышись, мол, — и отвернулся. А Миша уже не мог отдышаться. Воздух входил в него со свистом, узкой ледяной струйкой, и выходил обратно, не задерживаясь, как вода сквозь пальцы. Лицо его побелело — не как мел, а как зима, как та бумага, на которой пишут о плохом.

Его увезли на «скорой». Матери позвонили с её номера, записанного в школьной карточке, и она потом не могла вспомнить, как спустилась со второго этажа и как оказалась

в такси. Помнила только, что всю дорогу держала телефон двумя руками, как держат живую птицу.

В больнице им сказали слово, которое они оба до этого слышали только по телевизору, когда речь шла о чужих, далёких людях. Бронхиальная астма. Врач — молодой, уставший, с покрасневшими глазами дежурного, — произнёс его буднично, как говорят «грипп» или «ангина», и стал что-то объяснять про бронхи, про спазм, про то, что приступ сняли и что теперь надо наблюдаться. Ирина стояла и кивала, не слыша ни слова. Алексей смотрел на сына, который спал после укола, и думал о том, что ещё утром завязывал ему шнурки на ботинках, потому что Миша вечно затягивал их в какие-то хитрые морские узлы.

Вот что удивительно: дом, в который они вернулись через два дня, был тот же самый. Та же дверь, тот же ключ, та же вешалка, на которую Алексей повесил куртку. Но всё в нём стало будто чужим, будто на очках поменяли стёкла. Ирина первым делом пошла в детскую, поправила одеяло, хотя сын ещё ночевал в больнице, и постояла у окна, глядя во двор, где чужие дети играли в мяч и дышали — вот так, просто, без всякого свиста, дышали себе и не знали, какое это счастье.

Алексей зашёл к ней, обнял за плечи, постоял минуту и вдруг запрокинул голову. И увидел трещину.

Она шла от угла, от самой люстры, извилистая, как высохшее русло реки, и разветвлялась над кроватью сына длинными паучьими лапами. Он помнил, когда заметил её впервые. Года два назад, а может, и больше. Помнил даже, что сказал тогда, глядя на неё: «Надо бы заделать, а то раскрасим по новой, и снова ползет». И отложил. Потому что было лето, потому что была работа, потому что с потолком никогда не горит так, как горит всё остальное — счета, отпуск, ремонт машины. Потолок подождёт. Потолок всегда подождёт.

И вот теперь он стоял и смотрел на эту трещину, и она вдруг показалась ему не трещиной в штукатурке, а чем-то совсем другим — свидетельством. Она была как улика, как зарубка, как запоздалое письмо самому себе. Всё это время он откладывал её — и всё это время она росла, по миллиметру, по волоску, незаметно, тихо, как растёт всё, чему не мешаешь.

— Алёш, — тихо позвала Ирина.

— Сейчас, — отозвался он.

А сам всё стоял, задрав голову, как человек, который смотрит на небо в ожидании чего-то, и думал о том, что дышать — это ведь тоже такая трещина, которая есть у всех,

но о которой не вспоминаешь, пока она не разойдётся по-настоящему.

Районная поликлиника находилась в трёх остановках от дома, но по ощущению — в другом веке. Стеклопакетные двери, которые не закрывались до конца уже много лет, зелёная краска на стенах в коридорах, запах хлорки, смешанный с запахом мокрой верхней одежды, и очередь — всегда одна и та же, как будто люди не менялись, а просто занимали друг у друга места.

Они пришли в семь утра. Ирина настояла, хотя приём начинался в восемь, и они полтора часа сидели на жёстких синих стульях, прижавшись друг к другу плечами, как в зале ожидания вокзала перед дальней дорогой. Миша листал что-то в телефоне, изредка покашливая после вчерашнего. Алексей держал в руках папку с выпиской из больницы и направлением, чувствуя, как уголки папки нагреваются от его ладоней.

Когда их наконец вызвали, врач оказался человек немолодой, в очках, сползших на кончик носа, и с тем особенным выражением лица, какое бывает у людей, которые давно уже не ждут от работы ничего, кроме конца рабочего дня. Он просмотрел выписку быстро, по диагонали, как просматри-

вают счёт из магазина, послушал Мишу холодным стетоскопом, прижатым к худой мальчишеской спине, и сказал, не поднимая глаз:

— Астма, что ж. Наблюдаться будете у нас. Пока выпишу базовый ингалятор, попробуйте-ка этот.

Он что-то писал в карточке, и ручка у него скрипела по бумаге, как мышь под полом.

— Простите, доктор, — Алексей подался вперёд, — а есть варианты? Нам в больнице говорили про какие-то современные препараты, комбинированные...

Врач поднял глаза поверх очков, и в них на секунду мелькнуло что-то живое — раздражение, усталость, всё сразу.

— На большее пока лимитов нет, — сказал он ровно. — Попробуйте этот. Не поможет — придёте.

И замолчал. И в этом молчании вместились всё: и то, что лимитов действительно нет, и то, что приходить ему не хочется, и то, что таких, как они, у него сегодня было уже сорок человек, а будет ещё сорок, и что все они приходят с одним и тем же — с надеждой.

Они вышли на улицу. Был конец сентября, и с неба сыпал мелкий, противный дождь, не то чтобы настоящий, а так — морось, от которой мокро и которая лезет за шиворот. Ирина сжимала рецепт в кулаке, как нечто драгоценное и вместе с тем обидное. Миша молчал, сунув руки в карманы куртки, и смотрел в асфальт.

— «Лимитов нет», — повторил Алексей вслух, ни к кому не обращаясь. — Господи, лимитов на воздух.

И сказал он это так, что Ирина вздрогнула и взяла его под руку покрепче.

Ингалятор они купили в аптеке на углу. Обычная зелёно-белая коробочка. Четыреста с лишним рублей, те самые, которые по льготе вышли бесплатно, — Алексей так и не понял тогда всех этих бумаг. Дома он долго крутил баллончик в руках, читал мелкую инструкцию, как человек, впервые взявший в руки незнакомый инструмент, и всё не мог уложить в голове простую вещь: вот это, вот эта маленькая пластмассовая штучка и есть теперь то, от чего зависит дыхание его сына.

Первые дни лекарство вроде помогало. Миша дышал ровнее, свист ушёл, и оба родителя понемногу стали выдыхать — в прямом и переносном смысле. Ирина даже улыбнулась

за ужином, впервые за неделю, и сказала: «Ну вот, видишь, а ты переживал». Алексей кивнул.

А потом началось другое.

Сначала Миша стал плохо засыпать. Лежал до полуночи с открытыми глазами, ворочался, вздыхал, а утром вставал серый и злой. Ирина списывала на нервы, на больницу, на пережитое. Но бессонница не проходила. Потом появился тремор — мелкая, противная дрожь в руках, такая, что он проливал чай, выводя буквы в тетради, и не мог ровно держать ложку.

Однажды вечером Миша сидел за уроками, и Алексей, проходя мимо, заметил, как сын смотрит на собственную руку — на раскрытую ладонь, лежащую на столе, — и рука эта дрожит, дрожит мелко, как лист на ветру, и мальчик смотрит на неё с тем спокойным, почти взрослым отчаянием, от которого у отца что-то оборвалось внутри.

— Это от лекарства, — сказала Ирина, и голос у неё был белый, как простыня. — Это от него, я читала в интернете. Тремор, тахикардия, бессонница. Всё сходится.

— Помогает же, — глупо возразил Алексей, хотя сам видел, что не помогает. Или помогает, но какой ценой.

Они позвонили в поликлинику. Им ответили, что к своему врачу — на той неделе, запись, очередь, и вообще, побочные явления в пределах нормы, наблюдайте, приходите по записи. Трубку положили вежливо и навсегда.

Вот тогда-то, ночью, когда все уснули, а Алексей так и не смог, — вот тогда он снова поднялся в детскую. Миша спал наконец, спал тяжело, с приоткрытым ртом, раскинув руки, и в свете ночника, падавшем из коридора, лицо его казалось старше своих двенадцати лет. Алексей постоял над кроватью, поправил одеяло — он теперь делал это каждый вечер, теперь это стало его привычкой, его молитвой без слов.

А потом запрокинул голову и увидел трещину.

Она была всё та же. И в то же время другая. Она уже не просто тянулась по потолку — она смотрела на него сверху, как некий немой укор, как вся сумма отложенных дел, из которых, оказывается, и состоит жизнь. Он подумал: надо заштукатурить. Завтра же. Не откладывая.

Но и эту мысль он отложил. Потому что завтра нужно было искать другого врача, другую поликлинику, искать, где есть этот самый невыданный лимит, где есть человеческое слово вместо «попробуйте-ка этот», и где его сыну вернут

возможность просто дышать, не платя за это бессонницей и дрожью.

А потолок подождёт. Потолок всегда подождёт.

Он так думал. И не знал тогда — как не знал и утром, когда завязывал Мише шнурки, — что некоторые вещи ждать не умеют. Что они растут тихо, по миллиметру, в темноте, пока ты занят всем остальным, считая, что ещё успеешь. И что трещина на потолке — это всегда только начало.

Глава 2. Трещины в бюджете

Новость пришла в пятницу, как и положено приходить дурным вестям, — под вечер, когда человек уже расслабился и настроился на выходные. Алексей сидел в кабинете, заканчивал чертёж, и тут его вызвали к начальнику. Тот предложил чаю, чего не делал никогда, и от этого чая Алексею сразу стало не по себе.

— Ты присядь, — сказал начальник, и это «ты» вместо обычного «Алексей Викторович» тоже не предвещало ничего хорошего.

Оказалось, индексацию замораживают. Не у него одного — у всех, во всей организации, «в связи с экономической нестабильностью». Сказано это было ровно, официально, такими словами, какими говорят про плохую погоду, на которую не влияют ни дожди, ни мольбы. Алексей сидел и кивал, как кивала когда-то Ирина в больнице, слыша слово «астма», и ловил себя на мысли, что в эту секунду его больше всего занимает глупый вопрос: а ингалятор сколько теперь будет стоить через месяц?

Про то, что цены растут, знали все. Об этом говорили на

кухнях, в очередях, в новостях. Но одно дело — знать, и совсем другое — почувствовать, когда этот рост входит в твой дом и снимает в прихожей куртку, как свой собственный.

Продукты дорожали не по дням, а по неделям. Ирина по старой привычке набирала в супермаркете те же продукты, что и год назад, а на кассе сумма выходила такая, что она потихоньку стала перекладывать часть товаров обратно, стыдясь этого жеста, как кражи. Молоко подорожало. Мясо подорожало. Лекарства — те и вовсе, казалось, меняли цену через день, как будто ценники в аптеке писали рукой, которая всё зачёркивает и пишет заново.

Однажды вечером, уложив Мишу, они сели на кухне вдвоём и впервые в жизни составили семейный бюджет. Не на словах, как бывало, а по-настоящему — на листе бумаги, с двумя колонками: «доходы» и «расходы». Алексей достал ручку, аккуратно подписал, и оба уставились на этот лист с таким чувством, с каким смотрят на вскрытое письмо с плохой новостью.

Расходы не сходились. Не то чтобы катастрофически — жизнь так устроена, что как-нибудь да сойдётся, — но вприпрыжку, в натяг, как струна перед обрывом. Ирина вела пальцем по строчкам, и палец у неё чуть дрожал — той же мелкой дрожью, что у сына.

Частный пульмонолог, к которому они всё-таки решились сходить, потому что районный ингалятор травил Мишу дрожью и бессонницей, оказался человеком толковым. Он долго слушал, долго расспрашивал, назначил анализы, а потом выписал новый, современный препарат — комбинированный, «другого уровня», как он выразился.

— Сколько? — спросил Алексей, уже зная, что ответ ему не понравится.

Врач назвал цену. Алексей потом пересчитал на бумажке сидя в машине, на парковке у клиники, и вышло, что один этот ингалятор — тот, от которого сын должен дышать нормально, — стоит четверть всей зарплаты Ирины. Целую четверть месячной жизни, отданную за то, чтобы ребёнок мог просто вдохнуть и выдохнуть, не заплатив за это дрожащими руками.

— И это на месяц, — сказал он вслух пустой машине. — И так каждый месяц.

Он вспомнил слова районного врача про лимиты и подумал с тоской, что вот они, лимиты, — оказывается, они есть и у него, только по-другому считаются.

Походы в магазин превратились для Ирины в мучение. Она теперь ходила с калькулятором в телефоне, и если раньше просто брала с полки то, что нужно, не глядя на цену, то теперь стояла по пять минут перед витриной с мясом, и в голове у неё щёлкало: это — сыну, он растущий, ему нужно хорошее, а вот новую обувь на осень можно и в следующем месяце, старые ботинки ещё ходят. Ходят, ходят, уговаривала она себя, и обувь действительно пока ходила, но разваливалась потихоньку, незаметно, как всё, что носишь сверх срока.

Первая ложь случилась из-за крема для лица. Обычного, по скидке, двадцать процентов, который она схватила в аптеке, стоя в очереди за ингалятором, — схватила почти машинально, как хватают шоколадку на кассе, не отдавая себе отчёта. Дома она спрятала его в ящик с бельём, под ночные сорочки, и соврала Алексею, что в аптеке ничего больше не покупала. Соврала быстро, не моргнув, и сама удивилась, как легко это вышло.

А вечером, лёжа без сна, мучилась так, будто украла. Потому что знала: крем необязателен, крем — это баловство, и теперь, когда каждый рубль считается, тратить на баловство — это почти предательство. Она лежала и придумывала оправдания, одно глупее другого, и от этого ей делалось ещё гаже.

Раздражение копилось, как пар в котле. Оно не имело адреса — не на кого было злиться, — и оттого бродило по дому, цепляясь к мелочам. Ирина злилась на поликлинику, на цены, на себя за этот крем; Алексей молча злился на всё сразу, и эта его молчаливая злость была страшнее любой ругани.

Взрыв случился из-за чека. Просто из-за бумажки из супермаркета, которая лежала на кухонном столе, и Алексей, проходя мимо, взял её, зачем-то посмотрел и увидел в списке — три сырка. Три маленьких сырка для Миши, по акции.

— Это что такое? — спросил он, хотя прекрасно видел, что это такое.

— Сырки, — спокойно ответила Ирина. — Миша попросил.

— Миша попросил, — повторил он. — А ты не могла сказать, что не положено? У нас, Ир, если ты не заметила, теперь всё не положено. Ты вообще смотрела, сколько мы потратили за неделю?

— А ты смотрел, сколько он стоит, этот твой хваленый ингалятор? — Ирина развернулась, и голос её дрогнул. — Я экономлю на всём, на себе экономлю, на обуви экономлю,

я... — она запнулась, потому что вспомнила про спрятанный крем, и эта пауза выдала её с головой. — А он всё равно дорожает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.